

Александр Карнишин

*Деда
Мороза
не бывает*

Александр Карнишин

Деда Мороза не бывает

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18575800

ISBN 9785447482169

Аннотация

Это совсем не новогодняя сказка, хотя сказочное там есть. Сашка и Женька живут далеко друг от друга. А может быть, кого-то из них и нет совсем, а все выдумано другим... Но в итоге все заканчивается хорошо. Более или менее.

Деда Мороза не бывает

Александр Карнишин

© Александр Карнишин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Каждое утро у Марка начиналось в семь. Так было всегда и у всех. С детства и до старости все вставали ровно в семь утра. А ложились все спать всегда в десять вечера. Таков был установленный распорядок дня. Как только заканчивались обе программы телевидения, культурная и спортивная, сообщали о погоде на завтра и включали гимн. После гимна все и ложились. Можно было видеть, как разом, щелк-щелк-щелк, начинали гаснуть окружающие его дом новые башни. Этот дом скоро тоже должны были снести. По графику, который висел уже полгода возле окошка консьержа, расселять их будут в течение недели ближе к Новому году.

Нет, дом еще вполне хороший, уютный и теплый, тут даже и не поспоришь. Но – график. Обновление всегда должно идти строго по утвержденному графику. Это дает полную занятость строителям и нагрузку всяким заводам строительных конструкций. Инженерам и офисным работникам – тоже работа. И тем, кто их кормит. Всем-всем, в общем.

А за неделю до этого события им сообщат новый адрес. Вот тогда и придется искать новую школу для сына поближе

к жилью. А может, заодно и работу для себя. Не поощрялось, когда путь на работу у кого-нибудь занимал слишком много времени. Трафик. За трафик снимали бонусы.

Еще бонусы снимали, если кто работал не по направлению. Место работы определяла квартальная управа. У них были все актуальные данные о потребностях и возможностях в текущем периоде. И если ты продолжал работать в другом месте, не по их направлению, то тоже мог лишиться бонусов.

Так что, может, ничего искать вовсе и не надо будет. Все уже будет решено в управе заранее.

Марк ехал на работу в теплом просторном автобусе и думал, что в этом месяце обязательно надо будет зайти к сыну в школу. Иначе он дождется, что школьный психолог придет к ним на квартиру, и опять будет длинный тяжелый разговор, а в карточке гражданина ему проставят уже второе замечание. Интересоваться жизнью детей родители обязаны до их полного совершеннолетия, то есть до двадцати четырех лет. Так что еще и в институт придется к сыну ходить.

На работе он весь день распечатывал полученные письма и инструкции, потом разбирал по темам, потом относил руководителю отдела, который еще раз проверял. Иногда он перекладывал тот или иной документ в другую папку и укоризненно смотрел при этом на Марка. Марк сокрушенно вздыхал – не доработал, разводил руками, склонял голову. «Ну-ну», – говорил руководитель отдела. – «Повинную голову меч не сечет». И отдавал папки для исполнения. Теперь

Марк обходил всех коллег в большом общем зале и раздавал им полученные документы согласно теме работы.

И так каждый день.

Он не считал свою работу очень уж легкой и простой. Если бы она была легкой, кто бы дал ему эту квартиру? И карточки на паек? И бонусы на время отпуска?

В стандартной двухкомнатной квартире они жили вдвоем с сыном. Жена жила в точно такой же квартире с дочерью на другом краю города, и раз в неделю приезжала к ним в гости, оставаясь иногда с ночевкой. Марк тоже раз в неделю ездил к ней. Эти дни были обведены заранее на календаре, и в домашний компьютер вбито напоминание. Пропускать эти дни было нельзя. Во-первых, можно было лишиться бонуса. А во-вторых, других дней для таких встреч в планах на год не предусматривалось.

План-график на год каждый совершеннолетний гражданин получал тридцать первого декабря. Потом был праздничный день первое января – он выделялся каждому на изучение плана, а второго января опять начиналась обычная размеренная и расписанная на год вперед жизнь. Ну, это если не было дополнительного выходного дня.

Марк помнил, как однажды первое января попал на пятницу. И в планах честно было указано, что можно не выходить на работу до четвертого числа. Но так было на его памяти не часто.

Работа всегда заканчивалась ровно в 15.00.

Марк ехал домой – путь занимал меньше получаса. Дома, открыв дверь своим ключом, он громко говорил еще от порога:

– Здравствуй, сын! Я вернулся!

– Здравствуй, папа, – говорил, выходя из своей комнаты, Евгений Маркович, его сын, которому в прошлом году исполнилось целых десять лет.

– Ну, что у нас плохого? – традиционно хитро улыбался Марк.

– Птица-говорун отличается умом и сообразительностью, – отвечал сын. – Все в порядке, без двоек!

Потом, раздевшись и умывшись, Марк проверял уроки – сорок минут по графику. Делал замечания и заставлял кое-что переделать или повторить – еще двадцать минут.

Следом по графику шло совместное делание уроков. Тех, которые еще не были сделаны. А даже если и сделаны – все равно график надо было выполнять.

И хотя Женька мог все сделать до его прихода, но всегда находилось дело, которое можно было сделать как бы вдвоем. Тогда сын опять садился за письменный стол, а Марк разворачивал газету, чтение которой тоже было внесено в график.

– Пап, а почему Мороз – дед? – Женька, склонив голову на плечо, высунув кончик языка, раскрашивал новогоднюю открытку, которую задали в школе к понедельнику.

– Ну-у-у, – протянул отец, откладывая сегодняшнюю га-

зету. – Ну, наверное, потому что он очень старый. Дед – это так всегда старых называют.

– А ты – дед, что ли?

– Ну, что я, старый такой, что ли?

Женька оторвался от картинки, оглянулся на отца.

– Ну-у, не старый. Но пожилой, наверное.

Вообще-то, старый. Потому что ему уже тридцать пять лет. А тридцать пять – это втрое больше, чем Женьке. Даже больше, чем втрое. Почти вчетверо, если округленно. Конечно, старый. Но говорить этого нельзя, потому что обидно. Старый – это обидно. Это как ярлык такой, этикетка – старый.

– А Снегурочка тогда – бабка?

– Ты, что, Жень? Какая же она бабка? Снегурочка – это внучка деда Мороза! Она маленькая еще совсем.

Он хотел сказать «как ты», но вовремя остановился. Конечно, Женька еще маленький. Что там ему – всего десять с небольшим. Но называть его маленьким нельзя – обидно будет папану. Да он уже и не такой уж маленький. На косяке двери они отмечают карандашом его рост. Во-он где была первая черта. А теперь-то – ого-го!

– А внучка – это как?

– Внучка – это дочка сына или дочка дочери этого деда.

– Дочка дочери, дочка дочери! – обрадовался Женька. – Бочка бочки, бочка бочки!

– Ты уже закончил? Осталось пять минут.

– Сейчас, еще чуть-чуть! – он тут же отвернулся обратно к столу, нанося последние мазки яркой синей акварелью.

Нет, совсем уже не маленький. Уже знает порядок. Это хорошо.

Ровно через пять минут они встали и перешли на кухню.

Еще час они вместе на кухне готовили еду. При современной технике часа было много, да можно было и заказать что-то в «Домашней кухне», но по графику полагалось готовить именно час, чтобы ребенок привыкал к кухне, к процессу готовки. Да и вообще – два часа минимум было положено общаться отцу и сыну ежедневно.

Ели они обычно тут же на кухне за небольшим столом в углу, слушая новости и музыку, которую передавали по «Культуре».

Текущая неделя была неделей Баха.

За едой не разговаривали. Разговор во время приема пищи не приветствовался. А после еды, когда Марк мыл посуду, а сын протирал стол, Женька вдруг спросил:

– Пап, а Дед Мороз по-настоящему есть?

– Нет, конечно.

– А тогда зачем мы его рисуем? И Снегурочку эту? Дочку дочки?

– Понимаешь, сын..., – Марк ловко перехватил тарелку, пытающуюся выскользнуть из руки. – Считается, что это развивает твою фантазию. Сказки всякие, например, выдумки. А фантазия – она просто необходима, чтобы у нас были изоб-

ретатели разные и всякие ученые, которые делают важные открытия.

Женька понимающе кивал головой. Конечно, без изобретателей и ученых все было бы очень плохо. Надо будет, значит, еще нафантазировать чего-нибудь тогда. Это полезно. Это развивает.

Вечером сын читал, а Марк просматривал новости по телевизору.

После этого они вместе смотрели старый фильм. Старые фильмы были хорошие и добрые. В них хорошие люди дружили против врагов, боролись, преодолевали и всегда побеждали.

Без пятнадцати десять раздались первые такты гимна. Утром его пел большой хор. А вечером гимн исполнялся без слов, одна мелодия. Марк напевал про себя отдельные строки и слова: про солнце в небе, про единство, про синее небо еще раз, опять про моря и океаны...

– Спокойной ночи, папа, – сказал Женька.

– Спокойной ночи сын, – ответил с улыбкой Марк. – Хороших тебе снов.

Ему снился график, в котором было много праздников и выходных дней.

А Женьке снились какие-то внушки и бабки, и деды Морозы, которых на самом деле нет, но фантазировать их даже во сне было полезно.

Сашка проснулась рано. Бабушка еще спала в своей выгородке, и было слышно только смешное легкое похрапывание. На селе лениво перебрехивались собаки, встречая близкий рассвет.

«Гав», – слышалось откуда-то от бахчей. «Гав-гав», – отвечал басом с другого края села здоровенный пес, который охранял птичник. Сашка с ним познакомилась, когда его только привезли. Такой большой, что на него можно было лечь сверху, обняв за шею руками, а он даже и не пошатнется.

Она дождалась, когда в этот разговор – «не спи – не сплю» – вмешался их Полкан, сообщивший всем, что и он совсем даже не спит, а работает, охраняет двор и Сашку с бабушкой, и легко спрыгнула с высокой кровати. У бабушки все кровати были высокие, и если включить свет, то под ними совсем не темно и вовсе не страшно.

Сашка темноты не боялась. Темноты боятся те, кто ничего не знает. «От незнания – все страхи», – так говорила Сашке бабушка. А Сашка знала точно, кто там, в темноте, под кроватью шевелится и хочет схватить ее за ногу и напугать. Она даже специально выключала свет и играла с тем, кто под кроватью. Он хватал, а она весело визжала и задирала ноги повыше. Так они и веселились вдвоем. Главное, не забыть потом покормить домового. Он же не только хватать умеет.

Он много полезного сделает, если его уважить.

Сашка сама домового ни разу не видела, только чувствовала лапу, когда он хватал за ноги. И еще слышен был иногда его смешок из темного угла. Бабушка говорила, что они все маленькие и с лохматыми ногами. Наверное, как хоббиты. А хоббитов бояться не надо – они же добрые. Про хоббитов все написал Профессор. Эту книжку проходили по программе, и Сашка потом участвовала в розыгрыше отдельных сценок. Только в хоббиты ее тогда не взяли, потому что она, как сказали мальчишки, «худая и вредная». Тогда она стала лесным гоблином, зеленым и шустрым, бесилась и кувыркалась, и всем мешала. «Вошла в роль», – сказала учительница. А учитель посмеялся и сказал, что все в точности «по системе Станиславского».

Сашка осторожно раздвинула занавески и толкнула легкие створки наружу. Окно открылось, и в него сразу влезла голова Полкана. Он часто дышал, и большой розовый язык его висел на сторону. Наверное, бегал по двору, бесился.

– Уйди, – шептала Сашка, пихаясь в полканову голову. – Уйди, не мешай!

– Ах-ах-ах-ах, – дышал Полкан и улыбался. Собаки улыбаются открыто, от души. Вот кошки – они сами себе на уме. Они могут смеяться и издеваться. Могут сидеть в строгом молчании, ни на кого не обращая внимания. Могут таращить глаза в показном испуге или непонимании – на самом-то деле они все понимают. А вот улыбаться по-настоящему кош-

ки не могут.

– Тихо, ты! – шипела Сашка, отталкивая собаку. А потом она придумала. Она крепко ухватила за шею Полкана и прошептала ему в ухо волшебное слово:

– Полкан, гулять!

Полкан дергает, и Сашка, как пробка из бутылки, вылетает на улицу, чуть не ободрав о подоконник только-только зажившие коленки. Полкан, лязгая цепью, прыгает вокруг. Он бы сейчас залаял от полноты чувств, но Сашка повисла на нем и зажала морду обеими руками.

– Тихо! Тихо! Не шали!

Пока Полкан извивался всем телом, повизгивая и мотая хвостом, толстым и твердым, как палка, Сашка отстегнула карабин и, придерживая за ошейник, потянула пса на зады. В такую рань незачем было идти со двора через калитку в воротах. Скоро погонят скот, скоро пастух пройдет по улице, щелкая кнутом. А она по задам, по балке, мимо ничейного вишневого сада, наверх, туда, где стоит каменная баба, потрепанная ветрами и временем, серая и тяжелая. Городские, когда приезжают сюда, называют ее скифской. Но Сашка-то знала, что на самом деле эти бабы, что встречаются в степи, – половецкие, и никакого отношения они к скифам не имеют.

Можно было, конечно, отпроситься заранее, объяснить бабушке с вечера. Но так, не спросясь никого, ранним утром, до света – это же получается самое настоящее приключение!

Когда она прошла за огороды, за последний плетень, от-

пустила Полкана, и он тут же унесся вперед, по сверкающей росой траве, под пеленой поднимающегося из оврага тумана, мотая ушами и вскидывая изредка голову: идет ли хозяйка за ним? Хотя, наверное, Сашка была не хозяйка, потому что хозяйка была бабушка. А Сашка была вроде как подружка, с которой так весело повсюду бегать и играть.

Сашка бежала следом, шлепая босыми ногами по холодной пыли тропинки. За ночь земля остывала, но скоро встанет солнце, и станет светло и тепло, и пыль станет нежной и приятной, теплой, когда наступаешь.

Бывает пыль черная, от чернозема. Она самая приставучая, ее трудно отмывать. Бывает красная, от глин и суглинков. Она крупная, колючая и мажется, если пройдет даже маленький дождик. А у них здесь пыль была самая правильная – серая. Тонкая, мягкая, легкая. Если свернуть кулек из газетной бумаги – но только в один слой! – в кулек насыпать пыль, а потом его сверху завернуть, то получится самая настоящая граната.

Им показывали по истории старый фильм про Чапаева. Там была такая сцена, когда Петька и другие тоже стали выбегать на холм и кидать в беляков гранаты, и тогда все побежали, а из нижнего угла экрана в бурке, отнеся руку с шашкой в сторону, вылетал Чапай, и за ним вся его конница... И это было так здорово – просто непередаваемо!

Так если кулек с пылью кинуть подальше, он при падении взрывался почти так же, как в кино граната. Только звука

не было. Но звук можно было сделать голосом. А взрыв — почти как настоящий.

Сашка однажды устроила «войнушку» и откидывалась такими гранатами, когда ее почти окружили, прижав к оврагу. Враги подползали, а она бросала свои гранаты, кричала «гр-р-ррах-кх!», пыль покрывала поверженных противников. В общем, попало потом всем. И бабушка ворчала, потому что пришлось снова стирать. Хотя, летом стирали почти каждый день и тут же вывешивали на солнце. Поэтому у всех была светлая-светлая одежда, выгоревшая почти добела. И сарафаны Сашкины, которые поначалу сверкали синими да красными цветками, тоже были теперь почти белыми.

Она выскочила на самую верхушку холма и остановилась, прижав руки к груди, успокаивая сердце и стараясь отдышаться. Прямо над ней возвышалась огромная серая каменная баба, скрестившая руки на животе. Она глядела на восток большими круглыми незрячими глазами.

Туда же стала смотреть Сашка. И когда над степью появился самый краешек солнца, Сашка скинула свой сарафанчик и с визгом бросилась в росяную мокрую высокую траву, скатываясь все ниже и ниже по склону. До самого низа докатилась, даже закружилась голова. Там она полежала, широко раскинув руки и встречая всем телом ласковые солнечные лучи, а, обсохнув, полезла наверх, за одежкой.

Теперь она шла медленно, почти бесшумно, и когда засу-

нулась из травы, прямо у своего сарафана увидела мохнатые ноги, топчущиеся неуверенно на месте.

– Ага! – закричала она, и вцепилась в них. – Попался, который пугался!

– Вот дура-то, – дергались ноги. – Вот сумасшедшая! А если я – тебя?

– А то – не ты меня ловишь из-под кровати? – по-настоящему удивилась Сашка.

– Ну, точно – дурища. То ж домовой! А я, во – огородник! Я же если цапну, так поцарапаю же, чесслово!

Сашка села рядом с огородником на свой сарафан, стараясь не рассматривать его – это же никто не любит, когда его рассматривают в упор.

– А что ты тут делаешь, огородник?

– Что делаю, что делаю, – ворчал тот. – За тобой приглядываю. Домовому-то выхода из дома нет. Вот он мне и передал пригляд за тобой. Мало ли что тут... Вон, голышом по траве катаешься...

– Мне можно, я еще маленькая. И никого же нет все равно.

– А раз маленькая – вот пригляд и нужен!

Он неслышно присел рядом, и они вместе стали встречать рассветное радостное солнце. Сашка и огородник. А Полкан носился внизу под холмом, кого-то гонял, от кого-то убегал, весело взлаивая и поглядывая наверх – никто не обижает его подружку?

Ровно в полдевятого Женька уже стоял навтытяжку в классе у своего стола, встречая учителя. Почему уроки начинались в полдевятого, почему не раньше и не позже, никто не знал. Так было установлено страшно давно, и центральный процессор не нашел в этой традиции ничего плохого.

В его 5 «М» было двенадцать мальчишек. Это очень удобно. На физкультуре можно было играть в футбол с другими классами – одиннадцать в поле и один запасной. Или можно играть в волейбол, разделившись ровно пополам. Футбол и волейбол были профильными в их школе. Они вырабатывали умение работать в команде, а еще уметь сосредоточиться на том, что получается лучше. Хороший тренированный нападающий мог забивать хоть сто мячей. Но если в его воротах не будет никого, то ему напихают в ответ все двести. А командой, коллективом, всегда можно отбиться. И еще в этих играх были правила, написанные сто лет назад. Изучение правил и их исполнение – тоже необходимая в жизни вещь.

Это им объясняли еще в самом начале учебы, в первом классе, страшно давно. И еще говорили, что только командой можно двигаться вперед, только коллективом, всем вместе. И что одиночка – ноль. Про ноль тоже рассказывали в первом классе.

А в пятом уже было много предметов, которые вели раз-

ные учителя.

Утром в школе было гулко, зябко и пустынно. Серый свет нехотя вползал в высокие окна, и от него было еще промозглее.

Классы с буквой «Ж» учились на другом этаже. Оттуда на переменах был слышен визг и иногда какое-то топтание, и даже пение.

У мальчишек не пели. Они слонялись угрюмо по высокому коридору, перешептывались о своем, мальчишечьем, дергали закрытые двери. Их выгоняли из класса на перемену, чтобы не засиделись, и чтобы было неформальное общение. Но с общением у них пока не очень получалось. Как в школе общаться? Трудно. Да еще эти переезды, смена школ, новые лица...

На математике и физике и большинстве остальных уроков они работали за персональными терминалами. Учитель сразу видел, кто и что делает, и мог поправить или поставить оценку.

Оценки были нужны. Они накапливались, и по итогам года можно было получить неплохой бонус. Витька, одноклассник, победивший на районной олимпиаде по истории, летом ездил в большой детский лагерь на море. Вернулся загорелый и довольный. И эта поездка его отцу совсем ничего не стоила. Это был Витькин собственный бонус. Он даже задавался немного. Совсем немного, пока коллектив не поправил его.

Учиться было необходимо еще и потому что на работу не брали совсем необразованных.

Но бонус, конечно, тоже имел большое значение.

Женька тяжело вздохнул.

Все-таки маленьким быть тяжело. Надо учиться. Хотя и скучно. Но учеба, говорили им – это такая их работа. А оплата этой работы – оценка.

Надо зарабатывать бонусы. Надо соблюдать дисциплину. Надо «играть в команде», даже если ты совсем не дружишь с одноклассниками. А еще скоро они переедут – когда уж тут дружить-то?

Школьный психолог объяснял, что дружба – это такая очень редкая вещь. Такая редкая, что может быть, скажем, всего один друг – и это нормально. А вот умение работать в команде – это всегда пригодится.

Психолог вызывал каждого хотя бы по одному раз в четверть. Они там заполняли всякие формы тестов, отвечали на его хитрые вопросы. Можно было и не отвечать, если было неудобно. Психолог никогда не ругался, а только ставил какую-то пометку в деле. А когда много пометок накапливалось – вызывали отца.

Вообще-то современные технологии позволяли учиться прямо из дома, потому что домашний компьютер – практически тот же школьный терминал. Но все ходили в школу. Если никто не будет ходить в школу, как выработать коллективизм? И еще – а куда тогда девать всех учителей? И ди-

ректора с его помощниками? И школьного психолога? Нет, посещение школы было вполне рационально и даже необходимо.

А дома сидели только те, кто не мог учиться нормально – всякие нервные или просто больные. Их отсеивали еще в самых первых классах. Психолог ставил специальные пометки в деле, потом считал, и по итогам года кто-то получал бонус, а кто-то уходил на домашнее обучение. И так получалось, что к концу четвертого класса, когда начальное образование заканчивалось, в классах оставалось человек по шесть-семь. Вот из них и комплектовали пятые.

А говорят, раньше школ на всех просто не хватало, учились в две смены, и в классах было аж по сорок человек. Еще рассказывали, что девочки учились вместе с мальчиками.

Понятно, что уровень обучения тогда был низким. Как можно учиться в такой толпе, да еще с девчонками вместе?

Но с общим ростом благосостояния школ стало больше. Теперь всем хватает.

Женька отвечал на вопросы, выбирая правильный ответ из пяти предложенных. Потом все вместе смотрели фильм про море и морских животных.

Потом был обед.

Обед – это тоже была такая специальная школьная традиция. Пусть дома еда вкуснее – кстати, а почему, задумался ненадолго Женька, ведь продукты те же? Но зато столовая в каждой школе позволяла трудоустроить еще целую кучу

народа. Безработица поэтому была самая минимальная. Это говорили на уроке обществознания. И еще такой совместный обед приучал к порядку. Тут главным было соблюдение режима и калорийности питания.

После обеда был еще урок физики, а потом сразу физкультура. Они играли в футбол с шестым классом и сыграли вничью. Значит, плюс каждому. После игры они солидно прощались, жали друг другу руки, говорили, что вот еще немного потренироваться, и можно уже у старших выигрывать. А за это полагается бонус.

Женька читал в фантастических романах о будущем. Там почти так и рассказывали про школу будущего. И учитель – мужчина. И классы совсем маленькие. И компьютеры у всех на столах. Только про уроки не написано ни у кого, даже у Стругацких.

А в школе им объяснили, что классно-урочная система – это фундамент современного образования. Что никакие другие формы обучения подрастающего поколения пока не доказали своей актуальности и рациональности.

Поэтому у них было шесть-семь уроков каждый день. Это строго. Меньше – только перед каникулами. И классный час, на котором воспитатель объясняет, кто и за что получил баллы, дает рекомендации всякие, обсуждает поведение и внешний вид.

Женька спросил его, как папку вчера, зачем им было рисовать открытки с несуществующим Дедом Морозом и его

будто бы внучкой.

Воспитатель объяснил, что их так приучают к исполнительности. Не все предметы, которые изучают в школе, пригодятся в будущем в работе. Вот, например, история...

– А что – история? – сразу поднял голову Витька.

– А – то. История в жизни практически никому не понадобится. Только тем, кто будет учителем работать. И биология – только ветеринарам и врачам. И химия – только инженерам химического производства. Но учат вас всех одинаково, и это приучает к дисциплине и исполнительности. Приучает к ответственности. Понятно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.